LIETUVOS ISTORIJOS INSTITUTAS

LIETUVOS ARCHEOLOGIJA

PETRO TARASENKOS 100-OSIOMS GIMIMO METINĖMS PAŽYMĖTI

VILNIUS "ACADEMIA" 1992

Ats. redaktorė ist. m. dr. LMA narė korespondentė
REGINA VOLKAITĖ-KULIKAUSKIENĖ

Piešiniai ILONOS KERŠULYTĖS, DAIVOS KAZLAUSKAITĖS ir straipsnių autorių
Nuotraukos straipsnių autorių ir KAZIMIERO VAINORO

ISBN 5-89942-155-X

© Lietuvos istorijos institutas, 1992

ornament was found accidentally in Kungs Husby, Sweden. Thus, we have examples of similar ornaments from a wide territory of Europe, i.e. the lands of Balts, Germans, Slavs (Lithuania, Sweden, the Ukraine). It is worth to mention that the ornaments similar to those "Scandinavian", with various motifs of twisted lines, were widely spread in the adornments of wooden, bone and bronze artifacts in the Slavic lands, especially in Kiev Russia.

Specialist in Russian weaponry A. Kirpichnikov was right attributing Kiev's sword to the Slavic gunsmith's manufacture. It is quite possible that a great part of the cross-bar of the sword from Visėtiškės had been made in the territory of Slavs.

As it was mentioned above, the cross was found accidentally, thus some difficulties arose in dating it. Reasoning from analogy we can state the sword was made and got to Lithuania in the second half of the 10th cent. or in the beginning of the 11th cent., and under vague circumstances was broken and lost in Visėtiškės barrow N 12.

FIGURE CAPTIONS

Fig. 1. A sword hilt bronze cross-bar from Visėtiškės, Anykščiai distr.

Fig. 2. An ornament of a sword hilt cross-bar from Visėtiškės, Anykščiai distr.

Fig. 3. A broze sword hilt from Palanga, grave N 285.

Fig. 4. A sword hilt from Kiev, the Ukraine (the end of the 10th-beginning of the 11th c. A.D.).

Fig 5. A fragment of sword hilt cross-bar from Kungs Husby, Sweden.

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ПРУССОВ X-XI ВВ. (ПРОБЛЕМА ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ ДЕТАЛЕЙ ОГОЛОВЬЯ)

ВЛАДИМИР КУЛАКОВ

Вопросы раннесредневековой хронологии как Восточной Европы в целом, так и юго-восточной Прибалтики в частности остаются актуальными в хронологической науке по сей день. Первым серьезным опытом в этом направлении была серия работ археологов Пруссии, вышедшая в свет в конце XIX-начале XX вв. [1]. Результаты этих и последующих работ, базировавшихся в основном на поисках абсолютных дат по наличию в комплексах предметов с устойчивой хронологией ("импорты" и др.) суммированы Седовым [2]. В графической части его монографии представлены для каждого временного этапа ведущие артефакты разных категорий и типов. Получена в целом стройная картина развития древностей Прибалтики IX-XIII вв. Время бытования каждого хронологического индикатора (определенной находки) определено в рамках 50-100 лет. Таким образом, перед нами открывается возможность не только представить себе общую хронологию балтов и финно-угров, но и определить направленность дальнейших работ по конкретизации дат для различных древних ареалов Балтии. Некоторые шаги в этой работе уже сделаны [3].

Предлагаемая статья представляет собой попытку выяснения наиболее дробной, в пределах одного столетия, хронологии погребальных древностей на примере деталей конских оголовий прусского могильника Ирзекапинис (Зеленоградский р-н Калининградской обл.).

Работы, посвященные конскому снаряжению балтов, к настоящему времени составляют достаточно объемную библиографию [4]. Литовские коллеги, прежде всего Р.К. Куликаускене, убедительно доказали глубокую связь духовной культуры местных племен с самобытными украшениями упряжи коней балтов. Обильный археологический материал, собранный в течение многолетних исследований в Литве, позволил Й. Антанавичюсу создать фундированную типологию стремян X-XIY вв. [5]. Высокая степень изученности материала позволяет в настоящий момент исследовать возможность выявления на сериях однотипных находок внутренней хронологии сначала отдельных памятников, а затем и балтских культур в целом. Данная работа проведена на родственном литовским древностям прусском материале.

Начатые в 1977 г. раскопки грунтового могильника Ирзекапинис (Клинцовка) с самого начала дали большое число находок деталей конских оголовий [6]. Часть плакированных серебром бронзовых подвесок имела раннегеральдическое изображение знака прусских дружинников - ворона [7]. Каждый сезон раскопок приносил новые находки, были обнаружены железные накладки и подвески [8].

Ранее уже отмечался хронологический характер изменения отдельных деталей изображений на конских подвесках Ирзекапиниса [7, с. 116, рис. 8]. Для выявления относительной хронологии конских накладок и подвесок из массива находок выбрано 50 предметов. Все они типичны для номенклатуры данной категории находок по соответствующим погребениям. Все оголовия, детали которых рассматриваются в статье, принадлежат, судя по анализу обряда и инвентаря погребений, коням дружинников Самбии IX-XI вв. [9]. Предваряя построение типологических рядов деталей оголовий, надо отметить, что основой для этого

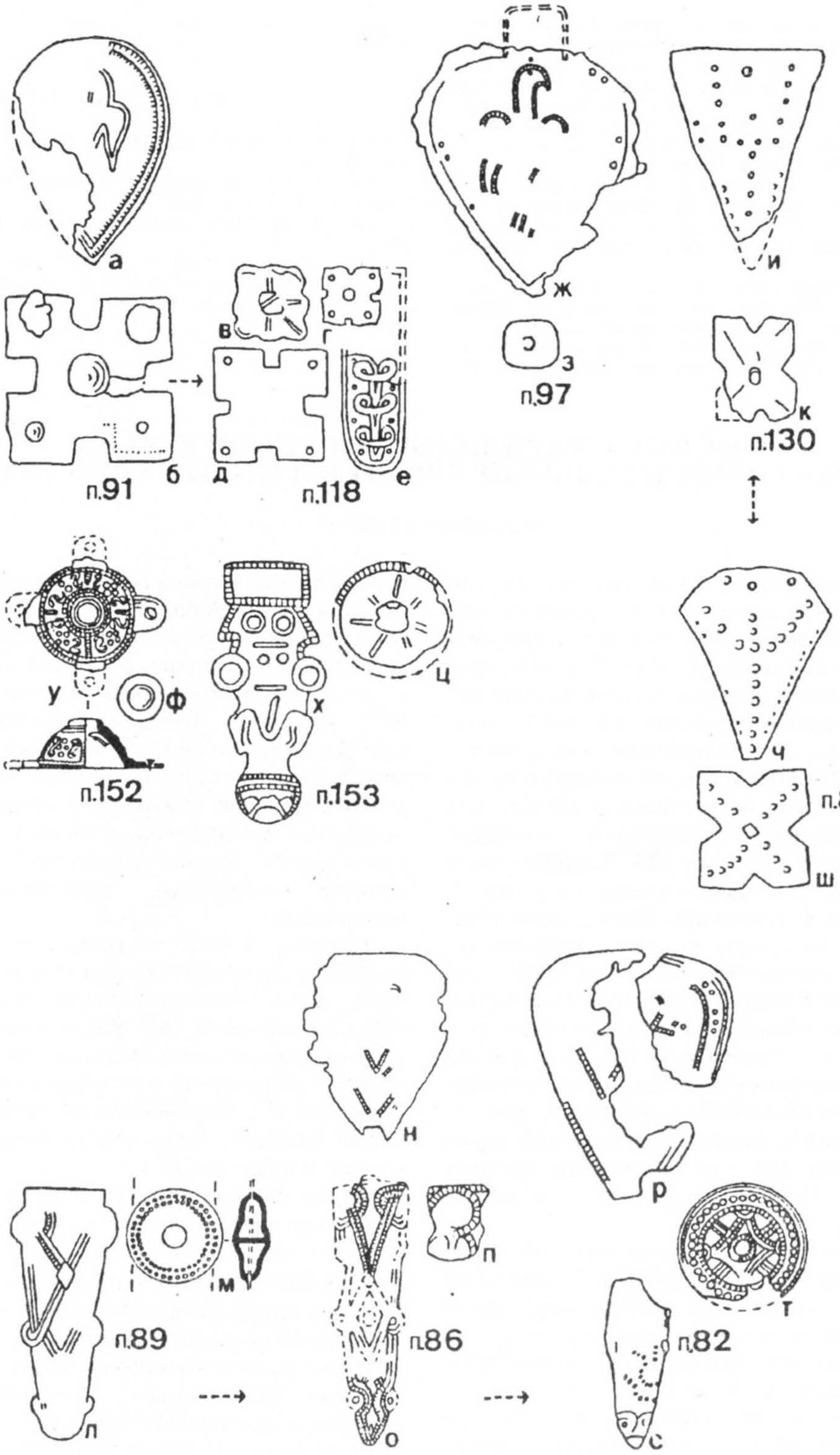

Рис. 1. Конские накладки и подвески VIII-X вв. (первая серия материала) Нумерация погребений п. Ирзекапиниса здесь и далее приводится ниже каждого комплекса находок. Материал: *а, в, е, ж, з, л-т, ф-ц* - серебро, *и, к, ч, ш* - железо, *у* - бронза, плакированная золотом

являются форма и орнамент предметов. Для общей корректировки дат привлекается наиболее массовая категория находок на Ирзекапинисе - стремена, типологизированные по Антанавичюсу [5].

Для построения типологических рядов деталей оголовий надо прежде всего найти в отобранном массиве наиболее ранние предметы. Ими являются бронзовый с золотой плакировкой умбон с четырьмя выступами ("четверик") из погребения (далее п.) 152, а также серебряные наконечник ремня и накладка из п. 153 (рис. 1, у-ц). Последняя имеет надежные аналоги в аварском материале 700-725 гг. [10]. Наконечник из п. 153 соответствует этой дате, являясь завершающим этапом развития северо-европейского сюжета "Водан и вороны" [11]. "Четверик" из п. 152, по форме являющийся продолжателем прусской традиции YI-YIII вв. [12], несет орнамент в технике "Kerbschnitt", дожившем в Европе в целом до YIII в. [13]. Таким образом, наиболее ранние конские накладки в нашем материале изготовлены не позднее рубежа YIII-IX вв. Вместе с накладками в п. 153 найдены стремена подтреугольной формы с широкой профилированной ступенькой, восходящие к кочевым древностям YIII - начала IX вв. [14].

Находясь в начале типологической схемы, накладки из п. 152 и 153 ее непосредственно не начинают. Эту роль должны играть, скорее всего, предметы из п. 91 и 118 (рис. 1, а-е). Наборы оголовий коней из п. 91 содержат не только (в одном случае) налобную подвеску со знаком вождя [15], но и подвеску со знаком ворона. Данный знак, как указывалось выше, отличал коней дружинников и являлся престижным элементом снаряжения коней Ирзекапиниса. Железным накладкам из п. 91 и 118 находятся аналогии в скандинавских древностях YIII-IX вв. Они являются их позднейшими подвариантами [1]. В п. 118 впервые в Ирзекапинисе обнаружены накладки в виде криновидного креста (рис. 1 г), являющиеся результатом смешения изобразительных традиций скандинавского и кочевого миров. [17]. В рамочном креплении подвесок с вороном из п. 97 (рис. 1 ж) нашли отражение, возможно, также южнорусские степные традиции. В п. 130 и 83 наконечниками ремней служат пластины, имитирующие (судя по расположенным по их краям псевдозаклепкам) щиты с княжеским знаком [7]. На ремнях также обнаружены накладки с треугольными вырезами (рис. 1 к, ш). Пунктирная двухсторонняя стрелка на рисунке показывает явную синхронность комплексов. Правда, в п. 130 обнаружены стремена типа III, имеющие скандинавские архетипы X в. [18]. Расположенный в нижней части рисунка комплекс из п. 83 стремян не имеет. Стремена постскандинавского вида имеются во всех комплексах верхней половины рис. 1. Реально линию деградации формы и орнамента в данной серии предметов показывают наконечники ремней с головкой животного (рис. 1 л, о, с), а также постскандинавские [19]. Найдены круглые накладки оголовьев. Одни из них имеют кочевнические параллели (рис. 1 м) [17], другие восходят к скандинавским орнаментальным схемам типа Terslewspange [20]. Форма и орнамент круглых накладок, а также сопутствующий материал позволяют датировать такие предметы в целом X в.

Правда, форма и псевдо-рифленая окантовка круглых накладок в материале X в. связаны, несомненно, с традициями, отраженными в материале п. 152 и 153.

Итак, на протяжении X в. в полиэтничной среде дружины северо-востока Самбии при использовании скандинавских и кочевых традиций вырабатывается на местной основе самобытный стиль конских накладок. Видимо, к концу X в. стабилизируется технология их изготовления. Плоскостные восковые модели с орнаментом, воспроизводящим зернь, выполняются в серебре. Орнаментальный стиль накладок показывает тесную связь местного населения с расположенным поблизости торгово-ремесленным центром Кауп. В материале могильника Кауп есть и близкие соответствия накладкам Ирзекапиниса [21].

Конец X — начало XI вв. — рубеж, ознаменованный для Ирзекапиниса перепланировкой участков могильника и частичной сменой обрядности. Он стал в истории местной дружины важной исторической вехой [22]. Это отразилось и на интересующем нас материале. Его очередная серия, входящая в XI в. открывается накладками из п. 10 (рис. 2), которое по секире типа M (по Петерсену [23]) и боевому ножу [24] датируется началом XI в. Накладки оголовья из данного комплекса показывают окончательно сформировавшийся, приобретший самобытные черты декоративный стиль местной дружинной среды. Ее ремесленники вернулись к старой балтской традации плакировки бронзовой основы серебряной фольгой. Возможно, это связано с падением притока серебра на Самбию после разрушения Канутом Великим в 1016 г. Каупа [25]. Орнамент накладок из п. 10 поражает своей цельностью и гармоничностью (рис. 2 д-з). Правда, концентрические окружности на малых накладках и наконечниках ремней сменяются крестовидными и 8-образным плетением. Мотив плетеного креста надолго входит в арсенал балтских мастеров [26], являясь сакральным символом сол-

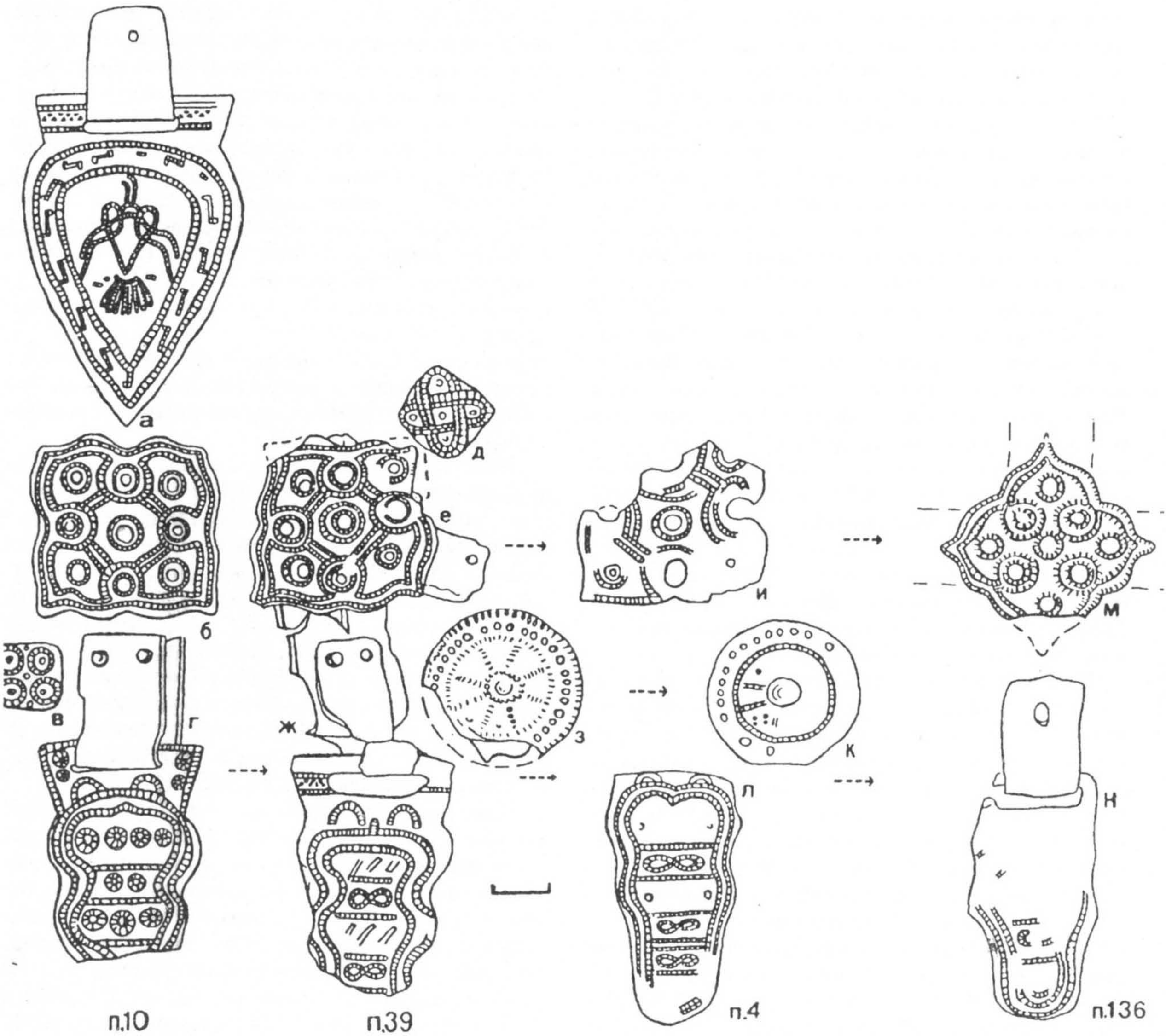

Рис. 2. Набор круглых конских накладок и подвесок в виде головы коня XI в. (вторая серия материала). Материал - бронза, плакированная серебром

нца [27]. Комплекс накладок, представленный в п. 10 и 39, интересен наличием в нем подвесок, служивших завершением ремней и отображавших голову животного анфас. Контуры этих подвесок явно восходят по времени к предмету из п. 153 (рис. 1 х). Воссоздавая глубинные для начала XI в. местные традиции, мастера северо-востока Самбии вложили новый смысл в данный мотив. Он заключает в себе символику конской головы, имевшей для балтов сакральный смысл [28]. В эти наборы входят также и круглые накладки с традиционным для пруссов солярным орнаментом. По форме они также базируются на прототипах YIII-X вв. (рис. 1 т, ц).

Самобытность комплексов, откуда происходят накладки второй серии нашего массива, подчеркивается отсутствием среди конского снаряжения характерных ранее для Ирзекапиниса стремян

постскандинавского облика. В п. 10 найдены плакированные серебром стремена типа IV, в остальных комплексах второй серии - стремена типа IX, появившиеся в землях балтов в XI в. [18].

Судя по сопутствующему инвентарю (в первую очередь - по стременам), третья серия собранного в статье материала (рис. 3) в целом синхронна вещам из упоминавшихся выше п. 10, 39, 4 и 136. Правда, в данной серии набор накладок несколько иной. Наконечники ремня представлены направленными вниз трехлопастными крестами - символами бога молний [27]. Близкие по форме и семантике подвески на ремнях конского снаряжения известны в материалах могильников Центральной Литвы XI-XII вв. [29].

Наиболее четко этапы изменения орнамента в последней серии массива исследуемых деталей оголовий видны на примере подвесок с воронами (рис. 3 а, г, ж, и, м). Наиболее ранняя находка этого типа из п. 52 (рис. 3 а) уже имеет элементы асимметрии в фигуре птицы и поэтому может считаться моложе классической формы из п. 10 (рис. 2 а). Следующие этапы развития таких подвесок представлены не только деградацией рисунка, но и усложнением системы крепления подвески. Это привело к 5-ременной структуре налобной части оголовья (рис. 3 ж, и, м). Наряду с этим происходит упрощение орнамента крупных квадратных накладок (рис. 3 д,н,о), восходящих к архетипу в виде крилатого креста (рис. 1 г).

Показательно, что на позднейшем этапе существования накладок (третья серия) из набора исчезают сначала наконечники в виде трехлопастного креста, а затем и налобные подвески. Квадратные накладки и представленные ранее в данной серии подвески на одном ремне в количестве не более 4-5 экз. превращаются в одиночные "четверики" на перекрестьях ремней. Надо отметить, что в перекрестьях второй серии материала (рис. 2) квадратные накладки покрывали ремни сплошь, причем как с наружной, так и с внутренней стороны. Это - продолжение местных традиций более раннего времени (рис. 1 м).

Наконец, в финальных позициях третья серия накладок находит аналогии в материалах дружинных могильников Литвы, где существуют как полные им соответствия (рис. 3 п), так и моделировки деталей прусских накладок [29].

Завершая анализ накладок Ирзекапиниса XI в., следует высказать предположение, учитывая непрерывность выявленных типологических рядов накладок по сериям, об относительно коротком временном диапазоне их существования. Принимая во внимание относительно небольшой массив материала, тем не менее можно предположить, что в мастерской, изготавливавшей данные детали конских оголовий, работало как минимум два мастера. При наличии общих для всех накладок технологии изготовления и стиля, можно поставить вопрос о непосредственной преемственности работы этих мастеров. Действительно, в таких различных по рисунку вещах, как подвески из п. 52 и 65 (рис. 3 а.м), видно, что перед нами продукция мастеров двух поколений. Заметим, что явная асинхронность комплексов, находящихся на разных концах рядов второй и третьей серии накладок, по сопутствующему материалу очевидна. Младший из мастеров, утерявший с течением времени симметрию формы и рисунка в своих творениях (согласно определенной выше технологии, штамповка накладок матрицей исключается). тем не менее пытался воспроизвести архетипы своего старшего предшественника (учителя?). Не исключено, что наличие в двух сериях накладок различных типов наконечников ремня также свидетельствует о работе двух различных мастеров или о наличии двух разных групп заказчиков. Наконец, присутствие в последней серии предметов с совершенно асимметричными и деградировавшими до предела подвесок и накладок (рис. 3 м,н,о) позволяет предполагать присутствие здесь следов работы третьего, наиболее позднего мастера. Последний, правда, не выработал окончательного стиля в своих произведениях. Это указывает на искусственное прекращение его творческого процесса, что связано в целом с окончанием существования Ирзекапиниса и связанного с ним поселения Варгенава (ныне пос. Малиновка) в конце XI в. [30].

Итак, представленный выше опыт анализа относительной хронологии деталей конских оголовий из материалов могильника Ирзекапинис позволяет сделать следующие выводы.

1. В VIII-IX вв. отдельные представители разноэтничного происхождения, вливаясь в дружину Самбии, привносили соответствующие культурные импульсы в местную материальную культуру. Конские оголовья из погребений на Ирзекапинисе в эту эпоху имеют накладки кочевого происхождения.

2. В X в. при наплыве воинов скандинавского происхождения в материальной культуре северо-востока Самбии появляются (на примере конских оголовий) элементы северо-европейских древностей эпохи викингов. Рождается символика и декор, характерные для дружины Самбии и в последующее время.

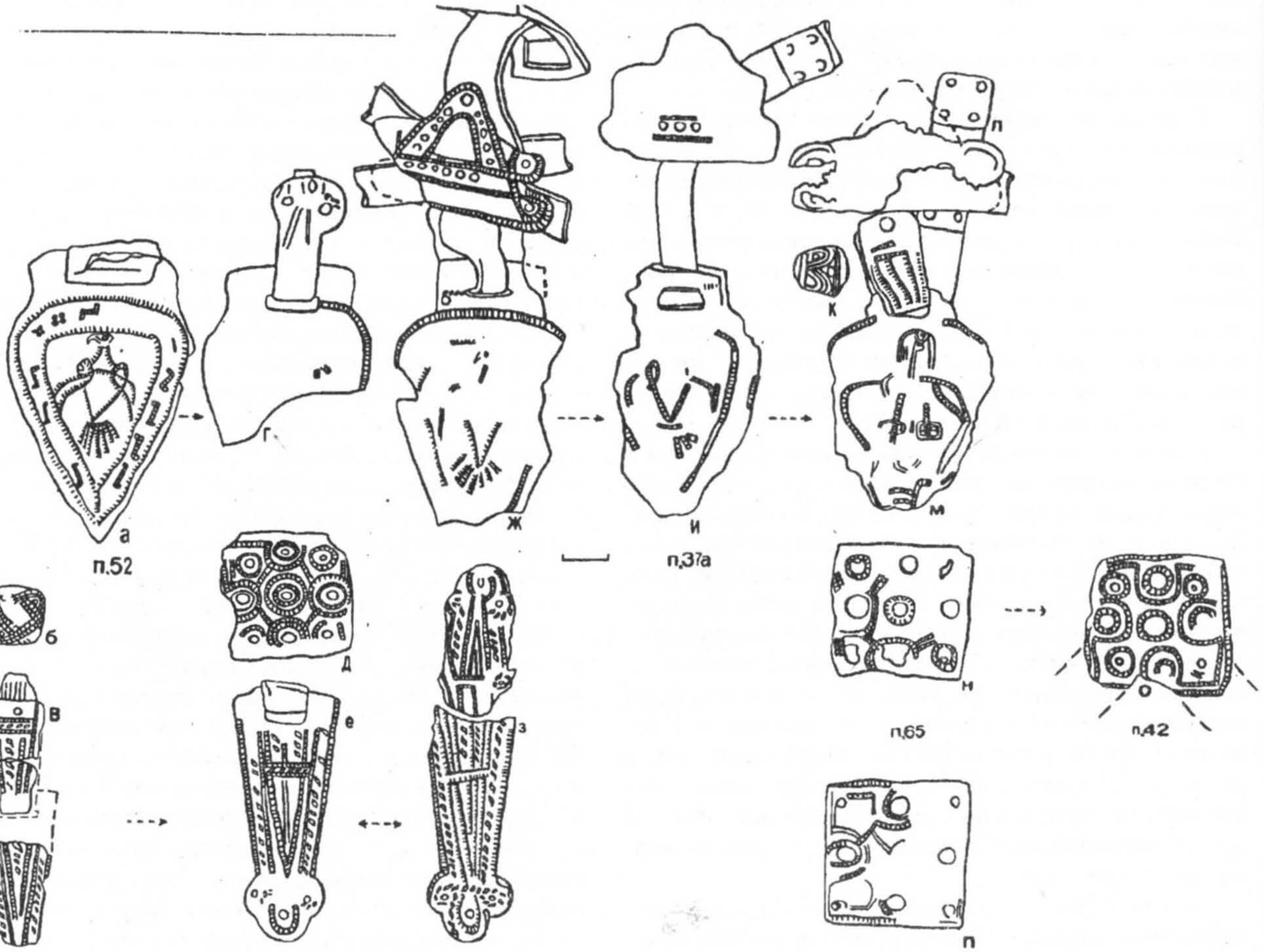

Рис. 3. Конские накладки и набор подвесок в виде трехлопастного креста XI в. (третья серия материала). Единственная представленная здесь находка, сделанная вне земли пруссов, - накладка из п. 15 могильника Вершвай (фонды Каунасского исторического музея, инв.Но 1590:75). Материал - бронза, плакированная серебром

3. Начало XI в. знаменует серьезный рубеж в истории местной дружины. После разрушения в 1016 г. датчанами Каупа часть ремесленников из этого протогородского центра земли пруссов перемещается на поселение, соседствовавшее с могильником Ирзекапинис. Это косвенно отразилось на широком распространении в погребениях могильника дамаскированного оружия именно с начала XI в. [31]. С этого момента декоративное искусство дружины стабилизируется и в результате становится цельным и самобытным. На протяжении XI в. на поселении Варгенава, жители которого использовали Ирзекапинис как кладбище [32], работали, соответствуя поколениям, два или три мастера. Тесная связь между ними (ученичество?), жившими в относительно краткий отрезок времени, косвенно подтверждается использованием на одном ремне оголовья из могильника Вольное (к востоку от Ирзекапиниса) накладок как развитой, так и деградированной форм [4].

4. По типологическому развитию накладок оголовий конкретных погребений Ирзекапиниса можно сделать вывод о планиграфическом их распространении с запада на восток, соответственно рядам могил, отражавших отношение умерших к определенному поколению. Это соответствует хронологии могильника [9].

5. В завершающей фазе существования могильника на примере накладок оголовья прослеживаются конкретные связи самбийской дружины с

воинскими формированиями Аукштайтии. Эти связи реализуются на появлении в Литве двухъярусных захоронений [33], до XII присущих только дружинникам земли пруссов. Данный аспект отражает непосредственные контакты между дружинниками-балтами на пороге создания литовской государственности.

6. Представленный опыт анализа форм и анализа деталей конских оголовий, отражавших несомненно в своем развитии временной фактор, является способом создания дробной хронологии погребальных древностей балтов по отдельным памятникам. Показательно, что "микрохронологический" характер различных черт накладок Ирзекапиниса вписывается в рамки более общей хронологии пруссов, базирующейся в X-XI вв. в основном на типологическом развитии стремян [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Tischler O.** Ostpreussen //Katalog der Ausstellung prähistorischer und antropologischer Funde zu Berlin. Berlin, 1980. S. 401-46; Bezzenberger A. Katalog der Prussia-Museums. T. II (Eisenzeit). Königsberg, 1887.

2. **Седов В.В.** Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

3. **Кулаков В.И.** Этапы истории пруссов Y-XIII вв. //Vakarų baltų archeologija ir istorija. Klaipėda, 1989. С. 34-40; **Мугуревич Э.С.** Изменения в хозяйстве прибалтийско-финнского населения на территории Латвии в XIII-XYI вв. //Матер. YI Междун. конгр. финно-угроведов. М., 1989., Т. 1, С. 83, 84.

4. **La Baume W.** Altpreussische Zaumzeug //Altpreussen. 9. Jahrg. 1944. H. 1/2, S. 12-19, 37; **Куликаускене Р.К.** Погребения с корнями у древних литовцев //СА. 17. 1953. Ū. 211-222; **Volkaitė-Kulikauskienė R.** Lietuvio kario žirgas //Acta historica Lituanica. 7. Vilnius, 1971; **Vaitkunskienė L.** IY a. Lietuvos karys raitelis //MAD. A ser. 1989. T. 3(108). P. 55-66.

5. **Antanavičius J.** Balno kilpos Lietuvoje X-XIV a. // MAD. A ser. 1976. T. 1(54). P. 69-80.

6. **Кулаков В.И.** Исследования в окрестностях г. Зеленоградска //Археологические открытия (далее АО). 1977. М., 1978. С. 19, 20.

7. **Кулаков В.И.** Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX-XI вв. //СА. 1988. № 3. С. 114-117, 116 (рис. 8), 112.

8. **Кулаков В.И.** Работы Балтийской экспедиции //АО-1983. М., 1985. С. 17, 18.

9. **Кулаков В.И.** Дружинные элементы в могильниках пруссов YII - начала XI в. //Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М. 1988. С. 128-130, 124.

10. Gräerfeld bei Sommerein (Österreich). Grabungen Lippert J. 1963-1967, 1970. Gr. 107. (Grabungsarchiv Autors, nicht publiziert).

11. **Кулаков В.И.** "Звериноголовые" фибулы балтов (Y-YIIвв.) //СА. 1990. № 2, рис. 5.

12. **La Baume W.** Op. cit. Abb. 14, 16.

13. **Федоров-Давыдов Г.А.** Стилистические особенности раннесредневекового искусства Европы //Труды Академии художеств СССР. 1988. Т. 5. С. 187, 188.

14. **Diesnes I.** A honfoglalo magyarok fakengyele //Folia archaeologica. 10. 1958. P. 132-137.

15. **Кулаков В.И.** Погребения военачальников прусской дружины. //Краткие сообщения ИА АН СССР (далее - КСИА) 1989. № 198. С. 37, рис. 2.

16. **Ehrlich B.** das preussisch-wikingische Handelsplatz Truso //Pirma baltijas vesturnieku konference. Riga, 1938. Abb. 2.

17. **Кулаков В.И.** Степные реминисценции у раннесредневековых сембов. //Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 144, рис. 1, 6.

18. **Antanavičius J.** Min. veik. P. 73, 77.

19. **Спицын А.А.** Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева //Известия Императорской Археологической комиссии 1905 № 15. С. 42.

20. **Jankuhn H.** Sechs Karte zum Handel des 10. Jahrhunderts im westlichen Ostseebecken //Archaeologija Geographica. Jahrg. 1. 1950. H. 4, S. 9.

21. **Mühlen B.** Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen //Bonner Hafte zur Vorgeschichte. 1975. N 9. Taf. 25.

22. **Кулаков В.И.** Ирзекапинис. Погребальный обряд //Конф. "Религиозные представления в первобытном обществе". Тез. докл. М., 1987. С. 223. **Кулаков В.И.** Ирзекапинис: 23 апреля 997 г. //Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1988. С. 136.

23. **Petersen J.** De norske vikingersverd. Kristiania, 1919. fig. 129.

24. **Mugurevics E.** Olinkalna un Lokstenes ģilnovadi. Riga, 1977, LIV tab. 13, 14.

25. **Кулаков В.И.** Кауп. Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 105.

26. **Спицын А.А.** Люцинский могильник //материалы по археологии России. 1893. Вып. 14, табл. XII.

27. **Paulsen P.** Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa. Bonn, 1956. S. 105, 215.

28. **Vaitkunskienė L.** Mitologiniai ir ritualiniai simboliai m. e. I tūkstantmečio vidurio Lietuvos metalo plastikoje (1. Žirgo vaizdinys) //MAD. A ser. 1986. T. 3(96). P. 45.

29. **Vaitkunskienė L.** Sidabras senovės Lietuvoje. Vilnius, 1981. Pav. 13:3, 35, pav. 54:1.

30. **Кулаков В.И.** Ирзекапинис. Результаты раскопок 1977-1984 годов //Всес. археолог. конф. "Достижения советской археологии в XI пятилетке". Тез. докл. Баку, 1985. С. 205.

31. **Кулаков В.И., Толмачева М.М.** Технология изготовления копий пруссов (по данным могильника Ирзекапинис) //КСИА. 1987. № 190. С. 100.

32. **Kulakovas V.** Irzekapinio valtys //Mokslinės-praktinės konf., skirtos Jūrų muziejaus ir akvariumo 10-mečiu. Pranešimų tezės. Klaipėda, 1989. P. 91.

33. **Кунцене О.** Раскопки в дер. Микитай (Шакяйский р-н) //20 лет. Археологические и этнографические экспедиции Института истории АН ЛитССР (1948-1967). Вильнюс, 1968. С. 72; **Volkaitė-Kulikauskienė R.** Lietuvių tautybės susidarymas (archeologiniais duomenimis) //Lietuvos istorijos metraštis. 1977 metai. Vilnius, 1978. P. 19, 5 pav.

PFERDEAUSRÜSTUNG DER PREUSSEN IM 10 U. 11 JH. (PROBLEM DER RELATIVEN CHRONOLOGIE EINIGER DETAILS)

V. KULAKOV

ZUSAMMENFASSUNG

1. Die Fragen der Chronologie des baltischen archäologischen Materials spielen zur Zeit eine wichtige Rolle in der Fachliteratur. W. W. Sedow hat im Jahre 1987 ein gesammtes Bild der finno-ugrischen und baltischen Altertümer dagrestellt. Doch es bleibt eine offene Frage der konkreten Chronologie eines jeden Gräberfeldes. In dem vorliegenden Artikel sollten die Fragen der Gliederung und der Chronologie der Funde, bzw. der Beschläge des Zaumzeuges, aus dem Gräberfelde Irzekapinis (Samland) erhaben werden.

2. Es werden 50 Beschläge aus 21 Gräbern vorgelegt. Die Funde könnten in drei Serien gegliedert wierden. Die erste Serie umfasst die Funde vom 8.-9. Jh. Zu dieser Zeit sind Ausschmückungen baltischer Herkunft mit Einflüssen von Sud-und Nordeuropa entstanden (Abb. 1).

3. Für das 11. Jh. sind zwei Serien der Beschläge charakteristisch. Die erste Serie (Abb. 2) besteht aus pferdekopfähnlichen Anhängern und runden Platten. Die zweite Serie (Abb. 3) bilden kreuzförmige anhänger. Man könnte meinen, dass diese ein Symbol des Donnergottes Perkūnas darstellen sollten. Die Degradierung der Form und Zeichmung sollte auf eine spätere Entwicklung deuten.

4. Der Fundanalyse nach könnte man in dem Gräberfelde Irzekapinis die Arbeit zweiler oder dreier Meister erkennen, doch zwischen ihnen herschen keine grossen Unterschiede. Das sollte mit der Weiterführung des Handwerkes durch Nachfolger in der Siedlung Wargenava bei Irzekapinis in Zusammenhang gebracht werden.

5. Für die Beschläge dem Ende des 11. Jh. könnte man Analogien in der Funden des Mittellitauens finden (Abb. 3, p.). Gewiss sollte das als ein Zeugniss direktor Kontakten zwischen den Kriegern der Baltenländer zur Zeit der Gründung des Litauischen Staates gedeutet werden.

VERZEICHNIS DER ABBILDUNGEN

Abb. 1. Pferdegeschirrbeschläge und Anhänger des 8:10. Jh. (die erste serie des Materials). Die Nummern der Gräber von Irsekapinis an dieser und an anderen Stellen sind unter jedem Fundkomplexe angezeigt. Das Material: *а, в, е, ж, з, л-т, ф-ц* - Silber, *и, к, р, ш* - Eisen, *у* - Bronze, bedeckt mit Gold.

Abb. 2. Pferdegeschirrbeschläge und Anhänger des 11. Jh. (die zweite Serie des Materials), Ausschmückunden mit pferdekopfähnlichen Anhängern und runden Platten. Das Material - Bronze, mit Silber belegt

Abb. 3. Pferdegeschirrbeschläge und Anhänger des 11. Jh. (die dritte serie des Materials), Ausschmückunden mit dreiarmigen Kreuzanhängern. Der einzige hier Abgebildete nicht im Preussenlande angefertigte Fund - der Beschlag aus dem Grabe 15 von dem Gräberfelde Veršvai (Museum der Geschichte zu Kaunas, Inv. Nr. 1590:75). Das Material - Bronze, mit Silber belegt

DĖL ŽEMAIČIŲ APRANGOS REGIONINIŲ SKIRTUMŲ

LAIMA VAITKUNSKIENĖ

ĮVADAS

Žemaičių kilmė ir jų etninė istorija - tai problema, kurios nagrinėjimas Lietuvos archeologus nūnai yra privedęs prie visiškai skirtingų išvadų. Nuomonių poliarizacija reikalaute reikalauja naujų mokslo faktų. Jų ir yra sukaupusi "Žemaitijos" ekspedicija (vadovė L.Vaitkunskienė), nuo 1975 m. kasinėjanti kapinynus, iš geležies amžiaus (I-XII a.) išlikusius Jūros ir Dubysos tarpupyje.

Tačiau naujų duomenų analizė bei lyginimas su kitose istorinėse žemaičių žemėse (terminas "istorinės žemaičių žemės" čia vartojamas ir suvokiamas taip, kaip jis suvokiamas ankstyvuosiuose rašytinės istorijos šaltiniuose, žr.: Gimbutienė M., 1985, 1 pav.) kasinėtų paminklų archeologine medžiaga lenkė ir prie naujų išvadų. Pirmiausia paaiškėjo, kad žemaičių kultūra buvusi nevienalytė ir kad ją reprezentuoja mažiausiai bent 3 lokaliniai variantai: Jūros basene - vakarinis, Nevėžio baseine - rytinis, Šiaulių bei Radviliškio apylinkėse - šiaurinis. Be to, subrendo prielaida, kad tokių regionų susidarymo priežastis - genetiškai skirtingas substratas, o apie V a. susibūrusi žemaičių sąjunga buvusi ne etninis vienetas, bet mišrus teritorinis, politinis-administracinis darinys, jungęs ir vakarų, ir rytų baltų gentis.

Ieškodama vėlgi naujų argumentų šioms išvadoms ir prielaidoms paremti, "Žemaitijos" ekspedicija atkreipė dėmesį į aprangos liekanas, randamas žemaičių paliktuose kapinynuose (1990.05.29 Vilniuje įvykusioje archeologų konferencijoje autorė apie žemaičių aprangą skaitė pranešimą, kuriuo remiantis ir parengtas šis straipsnis). Mat drabužiai yra vienas svarbiausių šaltinių, teikiančių patikimų žinių apie konkrečios etninės bendrijos kilmę bei istoriją.

Kadangi mums labiausiai rūpi regioniniai aprangos skirtumai, tai apie juos ir kalbėsime.